

УДК 303.442.43:001.82

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

РАЗМЫШЛЯЯ ОБ ИДЕОЛОГИИ: ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются эвристические возможности формальной логики при обращении к исследованию феномена идеологии. Формулируются и аргументируются три тезиса: 1) необходимость рассмотрения логики в более широком контексте, как своего рода высшей математики познания; 2) оппозиция логики аксиоматичности в понимании идеологического процесса и 3) изучение возможностей альтернативных логик.

Сразу же отметим, что парадоксальность подхода, вынесенного в заглавие материала, кажущаяся. Действительно, может вызвать неприятие сочетание таких категорий, как «размышление» и «логика». В том смысле, что логика претендует на истинное, непротиворечивое знание. Размышление же в большинстве случаев предполагает свободный стиль мышления, отсутствие формальных границ эпистемологического характера, парадоксальность, противоречивость, словом, этот термин из арсенала скорее эссеистов, но никак не логиков. Да и вопросам идеологии достаточно часто отказывают в строгой научности (в классической, рационалистической интерпретации смысла этого слова). Какая вообще может быть логика в тех случаях, когда теоретики озабочены выстраиванием системы взглядов на общество, мир и его перспективы с точки зрения того или иного социального слоя, класса, страны? Разве что в контексте правил самого писания текста (непротиворечивого, ясного, лишённого двусмысленностей и т.д.). Поэтому первый вопрос связан с обоснованием собственно темы статьи: в чём смысл и цель сопоставления категорий «размышление», «идеология» и «логика»?

В самом общем виде эта проблема может быть сформулирована следующим образом. Логический арсенал привлекается в процессе осмысления идеологических постулатов в двух аспектах. С одной стороны, как универсальный способ осмысления важнейших процессов и дефиниций. Даже критики рационализма в его чистом виде используют именно рационалистические средства для обоснования своих инвектив, что уж тут говорить о тех авторах, которые ищут новые ресурсы (средства) для усиления и развития классических форм мышления. С другой стороны, как форма развития самой логики. Нынче распространены критические настроения по отношению к возможностям логики [1]. Интересно проследить, каким образом они реализуются на идеологическом материале, априори не сциентистском? Можно утверждать, что логика и соответствующий инструментарий позволяет найти, выделить и сформулировать некоторые базисные положения, которые и структурируют размышления о сущности идеологических процессов, и придают им необходимую форму.

Отсюда **первый тезис**: многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в процессе осмысления идеологической проблематики как теоретического, так и практического характера связаны с тем, что возможности формальной логики нами рассматриваются узко, в чисто инструменталистских виде и форме. Это нечто сугубо прикладное, связанное с применением известных силлогистических и иных упражнений с целью достижения какой-либо цели. Иначе говоря, формальная логика рассматривается достаточно часто как «таблица умножения», но никак не как высшая математика.

Возьмем, к примеру, события 50-летней давности во Франции, в Париже, когда студенческие бунты привели к небывалому кризису государственных институтов, уходу в отставку президента республики генерала де Голля. Сегодня распространена точка зрения, что события тех лет не могут быть адекватно осмыслены с позиции их идеологического содержания. Но можно обосновать положение, согласно которому перед нами вариант именно французской идеологии, которая имеет свои как универсальные, так и специфические национальные черты. Это и эстетизация политического процесса, поскольку трудно представить себе политические события той поры без влияния крупнейших писателей, драматургов, поэтов, художников. Это и выдвигание на первый план вопросов сугубо личного характера (права человека), решение социальных проблем (отношения между полами). Достаточно в этой связи вспомнить многочисленные дацзыбао, граффити, которыми был наводнен Париж той поры. Этот смысловой ряд несложно продолжить, но возникает основной для нас вопрос о формальной логике: а при чем здесь вообще формальная логика? Понятно, что она нам необходима как методология и система методов для понимания тех феноменов, которые осмысливаются. Мы можем выстроить, например, силлогизм: «Все революционные события в Париже отличаются крайней степенью ожесточения, и потому события 1968 г. отличаются тем же».

Можно прибегнуть к аналогии, и с ее помощью обосновать особый, французский, способ формирования идеологических формул, внешне связанных с лозунгами, далекими от прямых социальных требований протестующих. Революция-карнавал, революция-праздник – все это признаки не только XX в., но и предыдущих и последующих эпох.

Формальная логика с ее понятийной определенностью (в частности) требует от нас не только понимать происходящие события (что, конечно, главное), но и придавать им форму строгих и определенных дефиниций, которые позволят идентифицировать те или иные идеологические приоритеты. Скажем, определить, так какое же событие имело место: бунт, мятеж, революция или что-то иное? То есть нам обычно предлагают набор позиций, методологических подходов, массу разноплановых определений одного и того же понятия. Но логика «протестует» против исключительности такого подхода. Не потому, что точек зрения предлагается некое множество, а в связи с тем, что строго сформулированные понятия и суждения не только дают возможность демонстрации известного плюрализма взглядов, но и предполагают определенные ответы на определенные же вопросы. То есть формальная логика ограничивает «всевластие» плюрализма как методологического подхода и предлагает определиться с основными терминами, тезисами.

Далее, формальная логика с ее теорией, например суждения (высказывания), даст возможность использовать известную схему «логический квадрат» для решения тех или иных спорных вопросов. Или хотя бы предложить вариант ответа на эти вопросы. Вот, скажем, мы формулируем частноутвердительное суждение *I*: «Некоторые студенты придерживались анархистских взглядов». Это истинное суждение относительно событий 1968 г. Как тогда будет выглядеть соответствующее суждение *O*, частноотрицательное по сути: «Некоторые студенты не придерживались анархистских взглядов»? Могут ли оба эти суждения быть одновременно истинными? Конечно, но это дает нам возможность утверждать, что спектр политических пристрастий на улицах Парижа в 1968 г. не сводился к одной идиологеме; нам необходимо демонстрировать спектр пристрастий и утверждать идеологическую множественность. Это пример из сферы очевидности, но столь же продуктивным может быть подход, связанный со спорными тезисами. Скажем, перед нами суждение *E*: «Генерал де Голль не верил в организован-

ность и целенаправленность действий студентов». Каким будет суждение, соответствующее *A*, с точки зрения истинности? Очевидно, одновременно истинными они быть не могут, следовательно, ресурс ответов на поставленный вопрос уже будет ограничен.

Но что это значит: применение логики как высшей математики, а не только как инструменталистского подхода? Это значит, например, что мы можем и не должны в теории высказывания использовать ресурсы силлогистики не только в качестве познавательного инструмента, и необходимо расширять границы такого использования. Это также значит, что мы можем и не должны данные инструменты использовать в ином ключе. К примеру, возьмем аналогию как форму мышления. Она дала возможность историку А. Тойнби сформулировать новый методологический подход к пониманию сути исторического процесса, связанный с известной теорией цивилизаций. Ведь что такое идея одновременного существования цивилизаций и соответствующие выводы из такой постановки вопроса, как не «чистая» аналогия? Обратимся к дедуктивной или индуктивной формам мышления, которые так подобно «расписали» нам классики детективной литературы А. Конан-Дойл и А. Кристи. В романе «Восточный экспресс» А. Кристи сформулировала для Э. Пуаро основные требования индуктивного поиска (перед нами вариант полной индукции). Но незаметно «чистая» логика стала проблемой нравственного выбора: детектив Пуаро решает, какой же вариант ответа о предполагаемом убийце он вскоре доложит полиции – ложный или истинный. То есть перед нами уже не уголовная, а этическая проблематика: солгать ради спасения многих людей, которые привели в исполнение приговор жестокому убийце, или наказать их еще раз? Получается, что у формальной логики есть свои границы, но не формального, не эпистемологического, а нравственного характера. Логика может быть нравственной? Нет, носитель логических знаний должен быть нравственным, вот что главное: «высшая математика» применительно к логике означает, что необходимо учитывать широкий спектр идей, подходов, логика должна быть «встроена» в систему различных междисциплинарных координат.

Тезис второй: как это ни покажется странным, логика «возражает» против аксиом разного характера, в том числе аксиом идеологических. Почему странно? Да потому что бытует мнение, согласно которому строгая силлогистика формулирует очень узкий «коридор мышления», где шаг влево или вправо невозможен, поскольку «есть правила», «существуют законы», и, вообще, какие могут быть альтернативы в условиях соблюдения закона противоречия и достаточного основания?

Для комментария обратимся к недавней советской истории в части основополагающих идеологических клише. Вот известный тезис: «Два мира – два образа жизни». Речь, как известно, шла о том, что один мир (западный) – гнилой и разлагающийся, а другой мир (социалистический) – прогрессивный и здоровый.

Современная политология (русская в частности) во многом и до сих пор разделяет этот тезис. Не только относительно прошлого, но и настоящего. Разве что акценты сместились. Речь идет о том, что существует особая цивилизация (славянская), что мы не часть единой европейской общности, у нас масса существенных отличий и т.д. Это общеизвестные вещи, но давайте обратимся к логике. На чем основывалось это суждение в советское время? Не на идеях Н. Данилевского и его книге «Россия и Европа». На реальных границах двух миров, на сформулированной идеологической системе взглядов, в рамках которой этот тезис оказался истинным (мог бы оказаться и ложным). Сегодня границ такого порядка нет, система идеологическая претерпела значительные изменения, но суть осталась той же. Почему? Да потому что остался таким же процесс

мышления, не изменилась логика следствия и выводов. Относительно истинности можно, конечно, спорить, а вот с логикой мышления спорить сложно. В самом деле, возьмем условно-категорический силлогизм: «Если советский человек первым полетел в космос, если страна добилась военно-стратегического паритета с США, то СССР может претендовать на равновеликое с Западом понимание своего места в мире // Советский человек первым полетел в космос, страна добилась военно-стратегического паритета с США // СССР может претендовать на равновеликое с Западом понимание своего места в мире». Можно сказать: формализм, начетничество, а можно верить этой логике, что и происходило. В силлогистике есть нечто незыблемое, убедительное, даже в силлогистике ложной. А сегодня? «Если Россия обладает ресурсом природным и людским, если церковь отличается высокой степенью авторитета и своеобразия (веры), если имеет место симфония отношений между государством и церковью, то она (Россия) воплощает свой особый тип цивилизации» и далее по уже приведенной схеме.

Тут особо следует сказать вот о чем. Для идеологии логика чрезвычайно важна, т.к. придает идеологии стройность, последовательность, убедительность, формальную непротиворечивость. Вот тот факт, что запад «гниет», как-то не убеждает: все же любой, кто был там, видел «тамошний» образ жизни, понимал, что не все так однозначно. Но как только этому тезису придавался вид силлогизма, аналогии, вспоминались соответствующие законы, все становилось на свои места. Манипулирование? Конечно, но когда идеология обходилась без манипулирования общественным сознанием? «Наши дети будут жить при коммунизме». В голодные 50-е гг. XX в. этот лозунг воспринимался как благородная цель и придавал смысл лишениям и терпению советских людей. Но ведь Н.С. Хрущев не был «чистым» волюнтаристом, речь шла об экстраполяции цифр экономического развития в те же 50-е гг. на ближайший период, и если бы они оказались столь же впечатляющими, то экономический рывок был бы реальностью. И здесь логика играла свою важную роль при формулировании идеологических постулатов. Если цены хоть на копейку снижаются, то представьте себе, насколько они снизятся в ближайшее десятилетие, говорили нам. Эту реплику несложно «перевести» на язык индукции или дедукции, хотя, надо признать, еще существовал и ресурс веры, зажженный Октябрем.

Логика «возражает» против аксиом разного характера, прежде всего потому, что аксиомы в самой идеологии требуют постоянной корректировки, постоянного изменения, внесения тех или иных правок. И логика вынуждена идти вслед за этим требованием. Например, на наших глазах менялись подходы в определении важнейших приоритетов национального развития. Первоначально на первом месте было то, что мы называем ностальгией по СССР, бытующей и сегодня. И потому движение к воссозданию (в той или иной форме) экономических, политических, военных и иных структур бывшего единого советского государства было естественным и понятным. Но с течением времени ситуация кардинально изменилась, и на первый план выдвинулась идея создания национального суверенного государства, идея, достаточно быстро приобретающая в республике статус национальной идеи. Уже реализованной во многом национальной идеи.

Попробуем в этот контекст внести соображения формально-логического характера. Конечно, на первом месте здесь будет все тот же инструменталистский подход, т.е. «обслуживание» важнейших идиологем. Вместе с тем выглядели неубедительными рассуждения, в которых обосновывалась идея воссоздания структур советского периода в том или иной виде на новой основе. Здесь можно вспомнить такой способ доказательства, как доказательство от противного. Цепочка суждений, аргументов могла

здесь иметь следующий вид. Допустим, перед нами стоит задача доказать эффективность восстановления многих советских достижений в новых исторических условиях. Мы исходим же из того, что возникли новые существенные факторы. Например, открылся «западный вектор» со всеми его преимуществами, прежде всего экономического характера. Например, речь ведется о формировании национальных элит, которые заявляют о претензиях на интеллектуальное, политическое руководство. Например, возник новый уровень противоречий между бывшим центром и бывшими национальными территориями; мало того, эти противоречия во время известных событий перестроечной поры обострились и многие из них переросли в кровавые конфликты. Например, проявились, выразились исключительно национальные интересы, которые могли быть решены в рамках прежде всего суверенного государства. Так, явные проблемы возникли в сфере приоритетного для нас когда-то освоения космоса. В итоге возникает коллизия, связанная с противоречием между заявленным тезисом и формами его аргументации. Другими словами, тезис доказать невозможно или сложно.

Можно ли на этом основании обвинить логику во «всеядности», апологии любых аксиом – идеологического или иного характера? Очевидно, да, что, собственно, и происходит, прежде всего в лагере представителей неклассической философии. Однако важное уточнение. Логика есть следствие процесса мышления, выражение этого процесса, но логика не есть феномен, тождественный процессу мышления, который намного шире по своему содержанию. Другими словами, нам необходимо учитывать и иные факторы, связанные с процессом мышления. В том числе и факторы иррационального характера. Мы можем привести факторы непонятного характера, например поэтического, и отметить, сколь важную роль именно они сыграли в процессе формирования советской идеологии, примеры здесь столь же известны и очевидны, сколь и блестящи. Можем дезавуировать опорные категории классического способа философствования с привычной диалектикой, истиной и т.д. А как не учитывать социальные, интеллектуальные детерминанты и многое иное, что активно влияет на идеологический процесс. То есть вывод очевиден: недостатки формальной логики есть продолжение ее достоинств, причем формальная логика не есть некая абсолютная сущность, воспроизводящая «из себя» новое знание. Связь здесь носит опосредованный, сложный, межпредметный характер.

Тезис третий: интересен вопрос о наличии и соотношении различных логик, о возможности чего неоднократно заявляли и многие выдающиеся умы. И, понятное дело, о влиянии уже этих логик на процесс идеологического характера. Скажем, Льюис Кэрролл, автор «Алисы в стране чудес» и одновременно крупный логик и математик, выстраивал силлогизмы, которые, согласно действующим правилам, не могли быть признаны истинными. Мы уже приводили в ряде статей пример, когда из двух отрицательных посылок не следует вывод, а Кэрролл его формулировал. Так, например, формулируются посылки: «Ни один честный человек не мошенник» и «Ни один нечестный человек не заслуживает доверия». Аристотелевская традиция утверждает, что вывод здесь невозможен, поскольку обе посылки отрицательные. А Кэрролл приводит свой вариант: «Ни один мошенник не заслуживает доверия». Мало того, он подчеркивает, что надо спокойно относиться к такой формальной разноголосице, т.к. все мыслимые формы силлогизма подвести под правила невозможно [2, с. 29].

Из этого же смыслового ряда умозаключение такого рода: «Тем, кто лыс, расческа не нужна // Ни одна ящерица не имеете волос // Ящерице не нужна расческа». К слову, студенты на семинарских занятиях по логике достаточно легко находят вывод

из «неверных» посылок и убеждены в их истинности. Но здесь возникает непростой вопрос о тех альтернативах, которые открываются перед исследователем (теоретиком, политиком) в случае обращения к формально-логическому инструментарию. Следует заметить, что здесь помощь может оказать операция, которая связана с различными модификациями силлогистического и иного порядка. Так, например, мы можем сформулировать тезис: «Д. Трамп стремится к однополярному миру», и опереться на умозаключение: «Все американские президенты стремились к однополярному миру» и далее по известной схеме. Но, во-первых, все ли? Во-вторых, исторически эта цель многие века не была определяющей. Могут ли быть в этом случае иные альтернативы? Конечно. В частности, используя методологию, предложенную Л. Кэрролом, можем сформулировать такую цепочку суждений: «Ни один американский президент не щедр // Некоторые американские политики не щедры // Некоторые американские политики не президенты». Здесь несколько ошибок, начиная от нарушения принципов закона достаточно основания и заканчивая правилами вывода. Но ведь сам вывод сомнений в истинности не вызывает, и здесь нет необходимости в логике. Тогда какой смысл в этих упражнениях? Только один: демонстрация возможностей альтернативного мышления, а в ряде случаев обращение и к парадоксу как форме мышления. Мы ведь можем, например, достаточно успешно опровергнуть тезис о стремлении Д. Трампа к однополярному миру, особенно учитывая прагматизм действующего американского президента. И главным будет вопрос не о стремлении к однополярности, а о том, как соотносятся понятия «прагматизм» и «идеальные цели» в политике.

Конечно, все сказанное не следует понимать в контексте абсолютной релятивности использования логических схем. Э. Мах в свое время говорил: «Наука означает приспособление идей к фактам и фактов друг к другу». Главное здесь – понять слово «приспособление». Комментируя это высказывание, Пол Фейерабенд замечает: «Приспособление идей к фактам вовсе не означает простого повторения неизменных фактов в мышлении, это диалектический процесс, преобразующий оба элемента» [3, с. 264]. То есть, обращаясь к возможностям различных вариантов логического вывода, мы можем сказать, что в каждом конкретном случае мы исходим из диалектики, исходим как из заданности основных терминов и смысловых параметров, так и из понимания альтернативности мыслительного процесса. Стратегия мышления вообще может быть «смешанной», учитывающей самые различные параметры и компоненты. Так, например, представить себе логический компонент без компонента ментального, в целом психического, достаточно сложно, поскольку любой процесс мышления «человечен» по сути. Логика всегда «встроена» в психологическое поле исследователя, и какие бы строгие правила мышления ни были бы взяты нами на вооружение, всегда есть возможность их корректировки. Представить себе, что существуют четкие параметры отношений между субъектом и объектом, что «все» можно объяснить, используя наработанные схемы мышления, достаточно сложно. Мы будем всегда наталкиваться на некие пограничные ситуации, пограничные линии, даже использование межпредметных связей и соответствующих методик нам лишь усложнит задачу и покажет варианты развития знания, но не их «окончательного» решения. Выбор тем же Д. Трампом идеологических целей можно рассматривать и в историческом, и психологическом аспектах, и на основе фактов его биографии, и исходя из его социального опыта. Как найти нечто, объединяющее различные подходы? С помощью все той же логики, но логики, понятой достаточно широко: как высшей математики, как системы альтернативных возможностей, как единства межпредметных связей.

Следует заметить, что современная философия, как классическая, так и неклассическая, активно привлекает ресурсы логики, причем неклассики акцентируют внимание как раз на тех пунктах размышлений, которые мы выделили: неаксиоматичность и т.д. В этом аспекте язык формальной логики приемлем фактически всеми школами и направлениями. Хотя, безусловно, языки, с которыми «работают» представители различных направлений, – это во многом разные языки. Что же касается идеологии, то внимание к ней определяется тем значением, которое она имеет сегодня. И даже если мы достаточно снисходительно относимся к ее постулатам и принципам, мы вновь и вновь интерпретируем различные положения: путь познания и обоснования тех или иных положений поистине бесконечен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешко, Б. М. «Антилогика»: истоки и сущность / Б. М. Лепешко, А. Б. Лепешко // Социал.-полит. науки. – 2017. – № 3. – С. 31–35.
2. Кэрролл, Л. Логическая игра // Л. Кэрролл. – М. : Наука, 1991. – 192 с.
3. Фейерабенд, П. Прощай, разум! // П. Фейерабенд. – М. : Астрель, 2010. – 477 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.09.2018

Lepeshko B.M. Reflecting on Ideology: a Formal Logical Analysis

Heuristic possibilities of formal logic in reference to the study of the phenomenon of ideology are considered in the article. Three theses are formulated and argued: the need to consider logic in a broader context, as a kind of higher mathematics of cognition; the opposition of the axiomatic logic in the understanding of the ideological process; the study of the possibilities of alternative logic systems.